

ДЕФОРМАЦИИ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В МАЛОМ ГОРОДЕ И ЗА ЕГО ГРАНИЦАМИ

П. Г. Вардеванян

Белорусский национальный технический университет
пр-т Независимости, 65, 220013, Минск, Республика Беларусь
vardevanyan@bntu.by

Аннотация. Статья рассматривает факторы, влияющие на трансформацию пространства малых городов Беларуси в процессе урбанизации. Изложена авторская методика выявления историко-культурного каркаса, в котором малые города являются основным элементом. Определены стратегические направления по вовлечению культурного и природного наследия в туристическую деятельность.

Ключевые слова: *историко-культурный каркас; малый город; местечко; наследие; историко-культурный каркас; урбанизация.*

DEFORMATION OF THE CULTURAL SPACE IN A SMALL TOWN AND BEYOND ITS BORDERS

P. Vardevanyan

Belarusian National Technical University
Nezavisimosti Ave., 65, 220013, Minsk, Republic of Belarus
vardevanyan@bntu.by

Abstract. This article examines the factors influencing the transformation of the urban space of small cities in Belarus during the process of urbanization. It introduces a unique methodology for identifying the historical and cultural framework in which small cities play a central role. The article also defines strategic directions for incorporating cultural and natural heritage into tourism activities.

Keywords: *historical and cultural framework; small town; heritage; historical and cultural framework; urbanization.*

На деформацию культурного пространства в малых городах Беларуси влияют такие процессы урбанизации, как непрерывное и медленное обезлюдение сельских территорий и депопуляция самих малых городов; изменение масштабов и технологий экономической деятельности (прежде всего сельского хозяйства); антропогенная трансформация природных ландшафтов.

Соответственно, в изучении пространственного преобразования малых городов и их окружения можно выделить три направления: *социально-демографическое и ресурсно-экономическое и экологическое*.

Первое направление – *социально-демографическое* – рассматривает структурные и пространственные сдвиги, которые происходили в сельском и городском расселении на территории современной Беларуси с конца XIX века. В течение этого времени Беларусь пережила три волны урбанизации, прерванные двумя мировыми войнами. На всем протяжении рассматриваемого периода в поселенческой сети преобладали малые городские и сельские населенные пункты, хотя при этом доля проживающего в них населения постоянно снижалась. На этапе интенсивной урбанизации 1960–1980^{-х} годов 60–70 % прироста горожан обеспечивалось за счет миграции из сельской местности [1]. В настоящее время населенные пункты, имеющие статус малого города, составляют 65 % от общего количества городов, при этом в них живет только 12 % от общей численности городских жителей [2]. К началу XXI века половина сельских поселений Беларуси перешла в категорию мелких и мельчайших, где проживает менее пятидесяти человек, в каждой третьей деревне – менее двадцати [1]. После аварии на Чернобыльской АЭС сформировался незаселенный анклав – 479 деревень и поселков Беларуси перестали существовать; с зараженной территории отселились 130 тыс жителей. Континуальное демографическое пространство сельской местности все больше начало приобретать очаговый, фрагментарный характер. Основные очаги сохраняются в окружении столицы и областных центров. В качестве показателя, косвенно характеризующего изменение постсоветского городского пространства, демографы используют особый индикатор – миграционную привлекательность. Доказано, что с середины 2000-х годов мигранты из малых и средних городов максимально увеличили свой вклад в рост населения Минской агломерации, а также в обеспечение положительного миграционного баланса областных центров. В теории дифференциальной урбанизации этот факт свидетельствует о незавершенности начальных этапов урбанизации, а это значит, что убыль населения в малых городах продолжится [2].

Ресурсно-экономическое направление изучает малые города с точки зрения тех функций, которые они выполняют по отношению к окружающей сельской местности, начиная с эпохи индустриализации. К середине XVIII века на территории современной Беларуси сложилась относительно густая сеть местечек. Она охватывала по данным разных исследователей от 400 до 900 поселений. В научной литературе подчеркнуты их функциональные отличия. От города местечки отличала меньшая

численность населения (около 1 тыс жителей, исходя из расчета 150–300 дымов на каждое поселение и 6–6,5 человек на дым) и большая степень аграрности (большинство жителей занималось крестьянским хозяйством на своих подворьях и на прилегающих землях). От сёл и деревень их отличали развитые ремесла и торговля; осевшие рядом с помещичьими и хозяйственными дворами и сориентированные на внутренний рынок вотчинных торгов. То есть исторически малый город имел экономические связи в первую очередь со своим ближайшим сельским окружением. Его влияние распространялось на расстояние 12–15 км, которое можно преодолеть туда и обратно за световой день пешком, на гужевом транспорте или по воде [3]. Определяя критерии отнесения поселения к категории местечек, И. В. Соркина обращается к их роли в процессе культурной интеграции. Она дополняет критерии их хозяйственной значимости оценкой коммуникационной функции и считает местечки «консолидирующим центром группы окружающего сельского населения в системе нивелирующих процессов более высокого таксономического уровня» [4, с. 45]. Контактному объединению населения местечка и соседних деревень способствовали экономическая, религиозная, культурно-просветительская и административная функция местечек.

Выполнение новой административной функции в период после присоединения к России подвергло пространство городов и местечек кардинальной трансформации. Вместе со статусом уездного города они получили новые генеральные планы. Согласно градостроительным проектам, выполненным в стиле классицизма, спрямлялись улицы, сложившиеся в средневековье; формировались прямоугольные кварталы; создавались симметричные площади, обрамленные зданиями, которые возводились по «нормальным чертежам».

Еще одно политическое решение царского правительства имело ключевое значение для пространственной организации малых городов Беларуси. Введение так называемой черты оседлости привело к концентрации еврейского населения в местечках. З. В. Шибeko связывает это решение с ускорением урбанизации: «В результате численность городского населения в границах современной Беларуси в течение 1786–1885 годов увеличилась в 7,5 раз. Увеличилось и количество местечек. ... В конце XIX века в 44 городах Беларуси евреи составляли 53,5 % населения» [5, с. 118–119].

Исследователь также отмечает, что полиэтническая структура населения городов и местечек затруднила процесс формирования городской идентичности [5, с. 118–119]. Штетл – часть населенного места, где компактно обитала еврейская община, – отличалась особым зонированием

пространства, планировкой и благоустройством улиц, функциональным составом и строительной типологией жилых и общественных зданий.

В конце XIX – начале XX века, сельские территории Беларуси оказались в условиях аграрного перенаселения. Темпы урбанизации не были высокими, так как технически отсталая промышленность городов и местечек не могла впитать в себя 1,5 млн «лишних» работников. За тридцать лет, прошедшие после отмены крепостного права, количество промышленных предприятий увеличилось в пятнадцать раз. К 90-м гг. XIX в. в Беларуси насчитывалось более 1100 производств, две трети из которых по-прежнему размещались в сельской местности [6, с. 118–119]. В малых городах преимущественно развивались мануфактуры и ремесленные предприятия с местной сырьевой базой (пищевая, деревообрабатывающая, бумажная и кожевенная промышленность), что еще теснее связывало малые города с окружающей территорией.

Строительство железных дорог в этот период активизировало урбанизирующие процессы миграции «село-город» и «город-город». Новые транспортные магистрали не совпадали со старыми торговыми путями, которые были привязаны к рекам. По отношению к малым городам железнодорожный транспорт выполнял внешнюю транзитную функцию. На примере поместья «Развадово» можно увидеть два подхода к трансформации застроенного пространства и превращения местечка в город Барановичи. Транспортные сооружения заняли свободные от застройки территории, обросли складами и промышленными объектами. Возле станции Московско-Брестской железной дороги продавались земельные участки правильной геометрической формы, как их распланировал владелец, а возле станции на полесском направлении примыкающие деревни разрастались хаотично. Новогрудок является примером реализации еще одного подхода, при котором строительство железной дороги рассматривается как фактор, стимулирующий экономическое развитие целого края. Возле вокзала был выстроен презентабельный поселок для специалистов; вдоль улиц на крутом рельефе, соединяющих привокзальную площадь с историческим центром и старым замком, были возведены не только административные и коммерческие здания, но также школа и предприятие.

Социальные потрясения, коллективизация и индустриализация сельского хозяйства, а также структурная перестройка белорусской экономики в период между двумя мировыми войнами и далее вплоть до 1960-х годов была нацелена на развитие тяжелой промышленности в крупных городах. В большинстве случаев цели формулировали как «сглаживание отличий между качеством жизни в городе и деревне», «выравнивание условий для экономической деятельности», «доведение до

единых стандартов социального обслуживания и мобильности». Малые города в это время реконструировались слабо и бессистемно. В. Л. Глазычев называет распространенную практику функционального зонирования городов тотальной «слободизацией» поселений [7, с. 138]. Благодаря сдержанному социально-экономическому развитию малых городов, в них сохранились историко-культурные ценности, выступающие сегодня как ресурс для развития туристической деятельности. Риски искажения культурного пространства малых городов требует переосмысления деформаций, которые оно понесло в условиях урбанизации и трансформации природных ландшафтов.

Третье направление изучает пространство малых городов с точки зрения *экологии культуры*. Этот термин ввел академик Д. С. Лихачев [8]. Развивая идеи М. С. Гревса и Н. П. Анциферова о развитии междисциплинарной науки по краеведению, он отмечал: «Только история городов, взятая в ее краеведческом смысле, может помочь градостроителям сохранить или даже обогатить „образ города“ – его „душу“, усилить эмоциональный аспект городской архитектуры, столь важный в древности и столь необходимый в будущем» [8, с. 22–24.]. В русскоязычной литературе современные подходы к взаимосвязанному развитию туризма и сохранению наследия разрабатываются как технология районирования (картирования) культурных ландшафтов. Наиболее широкое распространение получил метод выявления историко-культурного каркаса региона – исторически сложившейся системы объектов, сгруппированных в особые территориальные комплексы (оси, центры и зоны) и обладающих высоким потенциалом с точки зрения организации различных видов деятельности по освоению местных культурных ресурсов, включая туризм. В разработке теории и методологии вопросов по выявлению и оценке лидирует Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева. Главная идея ученых, продвигающих данное направление, состоит в том, чтобы создать систему охраняемых историко-культурных территорий по аналогии с системой природоохранных территорий.

До настоящего времени официальная методика с однозначными критериями выделения элементов каркаса отсутствует. Автор данной статьи занималась этой проблемой при подготовке схемы историко-культурного наследия в составе «Генеральной схемы размещения зон и объектов оздоровления, туризма и отдыха Республики Беларусь до 2030 года». Была разработана типология элементов историко-культурного каркаса и определено смысловое значение их пространственных признаков. Учитывались результаты исследований В. С. Титова, И. Н. Шарухо, А. И. Локотко, А. Смолича, А. Г. Манакова и др. Непосредственное

выявление каркаса Республики Беларусь включало в себя по *очерчиванию зон, определению направлений осей и маркировки центров*. Последняя процедура напрямую касалась типологии малых городов и их взаимодействия с сельским окружением. Выявленный историко-культурный каркас Беларуси лег в основу разработки стратегии по вовлечению культурного наследия в туристическую деятельность. По характерному сочетанию элементов каркаса выделены территории историко-этнографических регионов с различным потенциалом кластеризации пяти типов:

– наиболее подготовленные к созданию интегрированных кластеров туризма и культуры территории в Понеманье (I тип);

– городские территории в Полесье, Поднепровье и Подвинье (Поозерье), потенциал которых возможно повысить за счет включения объектов их культурного наследия в производственные или научные кластеры, производящие товары с высокой добавленной стоимостью и ориентированные на использование местных ресурсов (II тип);

– сельские территории Поднепровья с непроявленным потенциалом ассоциативных культурных ландшафтов «порубежья» (III тип);

– сельские территории в Полесье и Поозерье («глубинка»), требующие инновационного переосвоения уязвимого природного и культурного наследия в туристических целях (IV тип);

– территории совершенствования и модернизации инфраструктуры культурного туризма в Центральной Беларуси (V тип).

Особо следует выделить территории (исторические кварталы г. Витебска), накопившие определенный потенциал для создания городского креативного кластера. В целях реализации намеченных стратегий кластеризации рекомендовалось предпринимать меры в части сохранения наследия (А), в части устойчивого развития туризма (В), а также в части территориального планирования (С).

Изучение деформаций культурного пространства в малых городах Беларуси в настоящее время продолжается в рамках Государственной программы научных исследований на 2021–2025 гг. «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», подпрограммы «Культура и искусство» НИР «Развитие методик художественно-эстетического воплощения национальных традиций в архитектуре Беларуси». Предмет исследования охватывает малые города с их окружением, в том числе сельские населенные пункты, генетически связанные с местечками и имеющие статус агрогородков. Такой выбор был предопределен пониманием того, что «одним из важнейших и самых ценных компонентов наследия любой страны является её традиционный, преимущественно негородской,

культурный (антропогенный) ландшафт, в наши дни быстро исчезающий под напором урбанизации и глобализации» [9]. По мнению О. Н. Яницкого, малые города соединяют «все со всем» и потому являются «естественными» объектами междисциплинарного анализа в экологии культуры [10].

Библиографические ссылки

1. Антипова Е. А. Пирожник И. И. Трансформации системы расселения Беларуси во второй половине XX – начале XXI вв. // Вестник БГУ. Сер. 2. Химия. Биология. География. 2006. № 3. С. 72–78.

2. Нефедова Т. Г., Слепухина И. Л., Браде И. Миграционная привлекательность городов на постсоветском пространстве на примере России, Украины и Беларуси // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2016. № 2. С. 27–38.

3. Шаруха И. Н. Местечки Беларуси: из прошлого в будущее // Псковский регионологический журнал. 2010. № 10. С. 65–71.

4. Соркина И. В. Мястэчкі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. Вільня: ЕГУ, 2010. 488 с.

5. Власюк Т. А. Анализ миграционных процессов на территории Республики Беларусь середины XIX – начала XX веков в контексте развития железнодорожного транспорта. // Вестник Белорусского государственного университета транспорта: Наука и транспорт. 2017. № 2 (35). С. 110–113.

6. Шыбека З. В. Гарадская цывілізацыя: Беларусь і свет: курс лекцый. Вільня: ЕГУ, 2009. – 372 с.

7. Глазычев В. Л. Города России на пороге урбанизации // Город как социально-культурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 137–144.

8. Лихачев Д. С. Экология культуры // Знание – сила. 1982. № 6. С. 22–24.

9. Родоман Б. Б. Традиционный культурный ландшафт: основные проблемы типологии, районирования и воображения // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 4. С. 47–53

10. Яницкий О. Н. Малые города России: междисциплинарный анализ [Электронный ресурс]. Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета. – 2018. Режим доступа:

<https://scholar.archive.org/work/at7pm2jzpjciro5jmbdwuauyb4>. Дата доступа: 21.11.2023.